

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 19

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915

7 МАЯ.

Рис. Ре-ми.

День потопления „Лузитанія“ совпалъ съ днемъ 500-лѣтія Дома Гогенцоллерновъ. (Изъ газетъ).

„ПАМЯТНИКЪ“ (1415—1915 г.).

Вотъ достойный юбилейный памятникъ Вильгельму II Гогенцоллерну.

На память.

Председатель мясной биржи Пузыревъ представилъ въ лазаретъ М-ва внутреннихъ дѣлъ, находящийся въ завѣдываніи г-жи Маклаковой, собранныя среди членовъ мясной биржи пожертвованія въ суммѣ 3600 рублей.

Однако администрація лазарета М-ва внутреннихъ дѣлъ — постановила вернуть мясникамъ пожертвованныя деньги, мотивируя это тѣмъ, что лазаретъ не можетъ взять денегъ, нажитыхъ на бѣдныхъ потребителяхъ, переплачивавшихъ мясникамъ двойныя цѣны...

Газетная хроника.

ОБЫВАТЕЛЬСКОЕ.

«Не глядите такъ зловѣще
На обыденныя вещи:
На обмѣръ и на обвѣсъ,
На отсутствіе «древесъ»;
Коль купецъ сугубо жаденъ —
Обходитесь безъ «говядинъ»,
Коли цѣны не съ руки —
Обходитесь безъ муки!
Къ чорту всякія салаки,
Къ чорту фляки, маки, злаки,
Корнеплоды и плоды
И иное отъ ѣды!
Что такое — яйца въ салѣ?
Что такое — провансали?
Не одной «свиной фритъ»
Живъ бываетъ индивидъ!
Преклонившись передъ Рокомъ,
Поглядите трезвымъ окомъ
На долины и лѣса,
Гдѣ свершаютъ чудеса
Наши сѣрые солдаты.
Развѣ есть у нихъ салаты?
И сидятъ ли въ ихъ умѣ
Фрикассе и консоме?
При солдатѣ ли, при графѣ ль
Нѣтъ ни трюфелей, ни вафель,
И, однако, бодрый духъ
Ни на іоту не потухъ.
Не смотрите же зловѣще
На обыденныя вещи:
Не одной «свиной фритъ»
Живъ бываетъ индивидъ.»

Вѣди.

МЯСНИКИ И РОССІЯ.

Въ одной изъ комнатъ будущаго «Музея міровой войны» предполагается устроить витрину. Въ этой витринѣ на вѣчную память будутъ выставлены: а) снимки съ 3600 рублей, возвращенныхъ мясной биржѣ лазаретомъ М-ва внутреннихъ дѣлъ; б) фотографіи членовъ и председателя мясной биржи...

*

— Перейдемъ на другую сторону улицы...
— Почему?
— Да по этой сторонѣ мясникъ вонь идетъ.
— Но вѣдь и по той сторонѣ улицы тоже мясникъ идетъ.
— Тогда пойдемъ по мостовой.
— А если на насъ автомобиль налетитъ?
— Чортъ съ нимъ! Пусть... Это все-таки лучше.

*

— Вы, значить, хотите развестись съ мужемъ? Какова же причина развода? Что, онъ бьетъ васъ?

— Нѣтъ...

— Измѣняетъ?

— Нѣтъ...

— Въ такомъ случаѣ, я совершенно не понимаю...

— Онъ — мясникъ!

— О! Въ такомъ случаѣ, вы черезъ мѣсяць будете свободны.

*

Газетная хроника:

Вчера на Н-ской желѣзной дорогѣ произошло столкновение поѣздовъ. При столкновении погибло восемь человѣкъ и два мясника.

*

Въ лазаретѣ.

— Сестра Катя! Дайте скорѣе раненому Иванову поло-сканіе для рта!

— Что, зубы заболѣли?

— Нѣтъ... но какой-то посѣтитель сейчасъ угостилъ Иванова папироской. Бѣдняга выкурилъ ее, а потомъ оказалось, что этотъ посѣтитель — мясникъ.

*

— Подсудимый! За что вы стрѣляли въ Чичкина?

— Мясникомъ онъ меня назвалъ.

— Хорошо-съ. За взаимностью обидъ дѣло прекращаю.

*

Въ мясной.

— За этакое-то мясо да хочешь взять 30 копеекъ фунтъ?! Есть ли у тебя сердце?!

— Сердца сейчасъ у насъ не имѣется. Четыре ноги могу предложить, ежели для студня.

*

Въ мясныхъ лавкахъ скотина имѣется двухъ сортовъ: мертвая — на прилавкѣ и живая — за прилавкомъ.

Илья Добросердовъ.

ПАТРИОТЪ.

Рис. А. Александрова.

... Шелъ народъ на площадь къ мяснику Минину со своими драгоценностями, каждый давалъ кто что могъ.

Карамзинъ.

Мясникъ: — Эхъ, и народъ пошелъ нынче. Патриотизма — никакого! Бывало народъ-то мясникамъ даромъ драгоценности несъ — „только бери“... а не то что гроши какіе-то мѣдные да двугривенные — и еще мясо на нихъ требуютъ!!!

КОНЕЦЪ ВЪ ДРУЖБѢ.

Рис. А. Радакова.

Вильгельмъ: — Ничего не слышу — у тебя шумять очень. (Слышенъ голосъ д'Аннунціо... какіе-то крики...) Скажи, чтобы разошлись.

Тънь Гарибальди: — Отвѣть, что тогда народъ, пожалуй, слишкомъ разойдется.

О РУССКИХЪ КАПИТАЛИСТАХЪ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

Дуракамъ на поученіе, людямъ средняго сорта на потѣху, умникамъ на одну минуту тихой задумчивости — разскажу я нижеслѣдующую правдивую исторію...

Кошкормоевъ получилъ по наслѣдству двадцать тысячъ... Эти двадцать тысячъ сдѣлались любимой темой его разговора:

— Хорошо имѣть двадцать тысячъ. Сидишь ты себѣ, гдѣ хочешь, палець о палець не ударяешь, и что же! Имѣешь въ годъ тысячу рублей процентовъ.

И неизмѣнно заканчивалъ:

— Жаль только, что у меня не сорокъ тысячъ.

— Почему?

— Потому что, тогда я имѣлъ бы двѣ тысячи въ годъ.

— Тогда, — совѣтовалъ ему кто-нибудь изъ друзей, — тебѣ бы нужно было пожалѣть, что ты имѣешь не шестьдесятъ тысячъ.

— Почему?

— Три тысячи имѣлъ бы въ годъ.

— А вѣдь вѣрно!

— На твоёмъ мѣстѣ, — говорилъ все тотъ же сообразительный пріятель, — я бы не ограничился какими-то жалкими пятью процентами, а затѣялъ бы какое-нибудь дѣло. Процентомъ сорокъ можно было бы получать.

— Да что жъ, — поглаживая усы, говорилъ Кошкормоевъ. — Если бы подвернулось вѣрное дѣло, я вошелъ бы въ него.

* * *

Кромѣ Кошкормоева, жилъ на свѣтѣ еще одинъ человекъ — Ерыгинъ.

Не слѣдуетъ дурно отзываться о людяхъ. Поэтому, о Ерыгинѣ можно сказать только то, что онъ былъ дѣловымъ человекомъ по преимуществу.

Однажды онъ пріѣхалъ къ Кошкормоеву и сказалъ:

— Нынче такое время, что инициатива должна приходиться на помощь и на службу къ капиталу. Согласны вы съ этимъ?

— Совершенно, — кивнулъ головой капиталистъ Кошкормоевъ, играя пальцами.

— Вотъ мы уже почти и договорились, — весело усмѣхнулся Ерыгинъ. — Дѣло вотъ какое: если вы вложите въ него тысячу пять или восемь капиталу...

— Лучше пять, — перебилъ Кошкормоевъ съ самымъ дѣловымъ видомъ.

— Ну, пять. Ладно. Такъ если вы вложите въ это дѣло пять тысячъ, вы получите на нихъ процентовъ 80 въ годъ.

— Значитъ, четыре тысячи получу?

— Ясно.

— Вы меня заинтриговали.

— А еще бы. Ну, слушайте, что я вамъ скажу: читали ли вы когда-нибудь, что въ Америкѣ существуютъ этакія, знаете, сельскохозяйственныя мортіры, изъ которыхъ, во время засухи стрѣляютъ въ небо.

— Какъ же! Въ календаряхъ объ этомъ часто говорится.

— Ну, вотъ видите. Даже въ календаряхъ. Принципъ этой стрѣльбы изъ пушекъ по небесамъ тоже вамъ ясенъ: благодаря сотрясенію воздуха въ верхнихъ слояхъ атмосферы происходятъ измѣненія...

— Атмосферическія.

— Чего-съ?

— Я говорю измѣненія... атмосферическія. Происходятъ.

— Совершенно правильно. На небѣ постепенно собираются тучи, и въ концѣ концовъ возникаетъ дождь.

— Да, это все вѣрно. Возникаетъ.

— Хорошо-съ. Извѣстно ли вамъ, что въ настоящее время происходитъ громаднѣйшая міровая война?

— Безспорно.

— Ну, вотъ. Теперь я хватаю быка прямо за рога: хотите вы гдѣ-нибудь подъ Вильно, совокупно со мною открыть большую фабрику зонтиковъ?

Оба — и гость, и хозяинъ — откинулись на спинки креселъ и, разинувъ рты, поглядѣли другъ на друга. Первый поглядѣлъ побѣдоносно, второй — изумленно.

— Зо... зонтиковъ?

— Да!!

— Фа... фабрику?

— Ну-да!

— Понимаю, — кивнул головой хозяин. — Предвидите громадные дожди в том районе. Зонтики — нарасхват!

— То-есть, какъ быстро одинъ умный человекъ понимаетъ другого умнаго человекъ! — умилился Ерыгинъ. — Вы тоже умѣете хватать быка за рога. Вы сразу поняли, что при такой пальбѣ странѣ грозитъ потопъ, и единственное противоядіе противъ него, это — зонтики, зонтики, цѣлый лѣсъ зонтиковъ!!

Потрясенный, съ влажными отъ слезъ глазами, Кошкормоевъ обнималъ Ерыгина.

— Дорогой мой! Само небо прислало васъ ко мнѣ.

— Добавьте: дождливое небо! И такъ — по рукамъ?

— Онъ еще спрашиваетъ! Подождите, сейчасъ устрою вамъ пять тысячъ, а потомъ поговоримъ о подробностяхъ.

* * *

Первое письмо «съ мѣстъ», адресованное Кошкормоеву, гласило слѣдующее:

«Районъ Вильны. Помѣщеніе нанято, машины закуплены. Хлопчу какъ сумасшедшій. Завтра ѣду закупать матеріалъ для работы. Остаюсь съ уваженіемъ вашъ компаніонъ Ерыгинъ».

На другой день потрясенный Кошкормоевъ получилъ второе и послѣднее письмо:

«Разбить. Уничтоженъ. Все противъ насъ. Оказывается, всѣ окрестные лѣса въ военныхъ цѣляхъ вырублены и сожжены. Въ виду этого, матеріала для зонтиковыхъ ручекъ достать нельзя. Можно бы, конечно, въ крайнемъ случаѣ, выпустить зонтики безъ ручекъ (нужда въ зонтикахъ тутъ страшная), но сію минуту я съ ужасомъ узналъ, что и матеріи для покрышекъ тоже нельзя достать ни за какія деньги — всѣ матеріи закуплены для нуждъ арміи. Конечно, можно бы выпустить зонтики и безъ покрышекъ, но таковыя зонтики протекали бы и ношеніе ихъ не достигло бы той цѣли, которую мы преслѣдовали... Нѣтъ! Не могу писать больше. Руку сводитъ, къ горлу подкатываетъ комъ. Прощайте! Вашъ несчастный, бывший компаніонъ Ерыгинъ».

* * *

— Хорошо имѣть пятнадцать тысячъ, — говорилъ Кошкормоевъ кому-нибудь изъ пріятелей. — Не съешь, не жнешь, а 750 рублей въ годъ получаешь.

— Могъ бы втрое получать, — возражалъ пріятель. — Нужно только вложить деньги въ какое-нибудь дѣло.

— Да если бы вѣрное дѣло, то — отчего же... Только я пошелъ бы ужъ, конечно, въ самое вѣрное дѣло.

Вѣрное дѣло нашлось.

* * *

Кромѣ Кошкормоева и Ерыгина, жилъ на свѣтѣ еще человекъ по имени Чебурдаевъ.

Не хорошо — плохо говорить о людяхъ. Поэтому, о Чебурдаевѣ только и можно сказать то, что онъ былъ многосторонній человекъ.

Это свойство его натуры наиболѣе ярко выразилось въ предпріятіи съ булавками, затѣянномъ имъ совмѣстно съ Кошкормоевымъ.

— Подъ лежачій камень вода не течетъ, — заявилъ онъ, явившись однажды къ Кошкормоеву. — Вы, русскіе капиталисты, и злите меня, и смѣшите. Бельгіецъ или англичанинъ давно бы уже сдѣлалъ изъ своихъ денегъ миллионъ... А вы — что? Въ чулкъ, небось, ихъ держите?

— Я пойду только въ самое вѣрное дѣло, — осторожно вставилъ Кошкормоевъ.

— Спасибо, что сказали, — иронически усмѣхнулся Чебурдаевъ. — Значитъ, по-вашему, мое дѣло — невѣрное дѣло?

— Вы еще не изволили сказать — что именно.

— Сейчасъ изволю. Какъ вы думаете, что сейчасъ больше всего нужно?

— Зон... тики?... — робко поглядѣлъ на него Кошкормоевъ.

— Что-о-о? Какіе зонтики? Для чего? Смѣтаете вы надо мной, батенька?! Булавки сейчасъ нужнѣе всего, вотъ что, а не зонтики, вотъ что!

— Бу... булавки?

— Не бубулавки, а просто — булавки. Вы поглядите — куда теперь только не идутъ булавки? только что въ супъ-разольникъ ихъ не кладутъ! Для флажковъ на географическихъ картахъ, что нужнѣе всего? Булавки! Для благотворительныхъ жетоновъ и цвѣтковъ что необходимо? Булавки! Въ армію, гдѣ съ пуговицами некогда возитъ, что посылается въ громадномъ количествѣ? Булавки! Въ лазаретахъ при перевязкахъ? Булавки! Согласны вы съ этимъ?

— Со... согласенъ.

— Вотъ видите. Такое ужасающее поглощеніе булавокъ истощило, конечно, уже всѣ запасы, а никто объ этомъ и не думаетъ... Вѣрно?

— Пожалуй...

— Такъ если вы согласны, — я вамъ скажу больше: знаете ли вы, что я нашелъ способъ увеличивать полезныя свойства каждой булавки вдвое?

— Что вы говорите?!

— Вотъ вамъ и что! Подумайте: каждую булавку можно эксплуатировать какъ двѣ булавки. Это мой секретъ, который я, конечно, пока не могу открыть, но...

— Такъ вы согласны взять меня въ компанію? — быстро спросилъ Кошкормоевъ, боясь, что Чебурдаевъ передумаетъ.

— Возьму. Пять тысячъ — и мы загремимъ на всю Россію. Завтра же я ѣду на Уралъ — въ центръ металлургической промышленности.

* * *

Первое письмо изъ «района Урала» заключало въ себѣ нѣсколько бодрыхъ строкъ о покупкѣ машинъ, переговорахъ съ рабочими и коммивояжерами, а второе письмо гласило вотъ что:

«Человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Коммивояжеры отказываются брать булавки моей системы. Неужели, нѣмецкіе товары до сихъ поръ еще душатъ русскую промышленность? Теперь я могу сообщить вамъ сущность моего изобрѣтенія, увеличивающаго полезныя свойства булавокъ вдвое. Я разсуждалъ такъ: самое полезное въ булавкѣ — ея остріе. Головка булавки непосредственной пользы не приноситъ. И такъ, что нужно было сдѣлать, чтобы повысить полезныя свойства булавки безъ затраты матеріала? И я придумалъ... У меня каждый конецъ, каждая сторона булавки имѣетъ по острію... Но когда я изготовилъ первые десять миллионъ, выяснилось, что двустороннія булавки при вкальваніи во что-нибудь втыкаются одной стороной въ палецъ. Тогда я экстренно выпустилъ нѣсколько тысячъ наперстковъ, являющихся, какъ вамъ извѣстно, лучшимъ предохранителемъ противъ острыхъ предметовъ, соприкасающихся съ пальцемъ, но тутъ-то коммивояжеры и заявили, что моего товара брать не будутъ. Я льстилъ, угрожалъ, дѣлалъ имъ всяческія льготы — не берутъ. Да... Много еще косности и темноты въ тебѣ, матушка Россія! Надѣюсь, что вы на меня не въ претензіи, ибо нѣтъ дѣла, не сопряженаго съ рискомъ. Во всякомъ случаѣ, сама сущность моего изобрѣтенія гарантируетъ меня отъ упрека въ односторонности... Вашъ огорченный Чебурдаевъ».

* * *

— Хорошо имѣть десять тысячъ, — сказалъ мнѣ недавно Кошкормоевъ. — Ты себѣ и ухомъ не поведешь, а у тебя въ годъ, гляди, и есть пятьсотъ рублей.

Я долго ходилъ по комнатѣ, слушая его рѣчи. Когда онъ разсказалъ мнѣ о двухъ неудавшихся предпріятіяхъ съ зонтиками и булавками, я усмѣхнулся и, похлопавъ его по плечу, сказалъ:

— Я вижу, что ты, Кошкормоевъ, дѣловой человекъ, но, къ сожалѣнію, дѣла тебѣ все время подвертывались неподходящія... У меня есть для тебя дѣло... Дѣло самое вѣрное, и, главное — никакихъ разочарованій.

— Честное слово?

— Увѣряю тебя. Вотъ въ чемъ оно заключается: дай мнѣ три тысячи.

— Для чего?

— Не для чего, а для кого... Для меня.

— А какая мнѣ отъ этого польза будетъ? Сколько процентовъ?

— Не хочу тебя обольщать. Нисколько процентовъ тебѣ не будетъ. Просто давай мнѣ три тысячи — и конецъ.

— Значитъ, дѣла никакого нѣтъ?

— Чудакъ ты! Да вѣдь это и есть дѣло: ты даешь мнѣ три тысячи.

— А что я наживу на этомъ?!

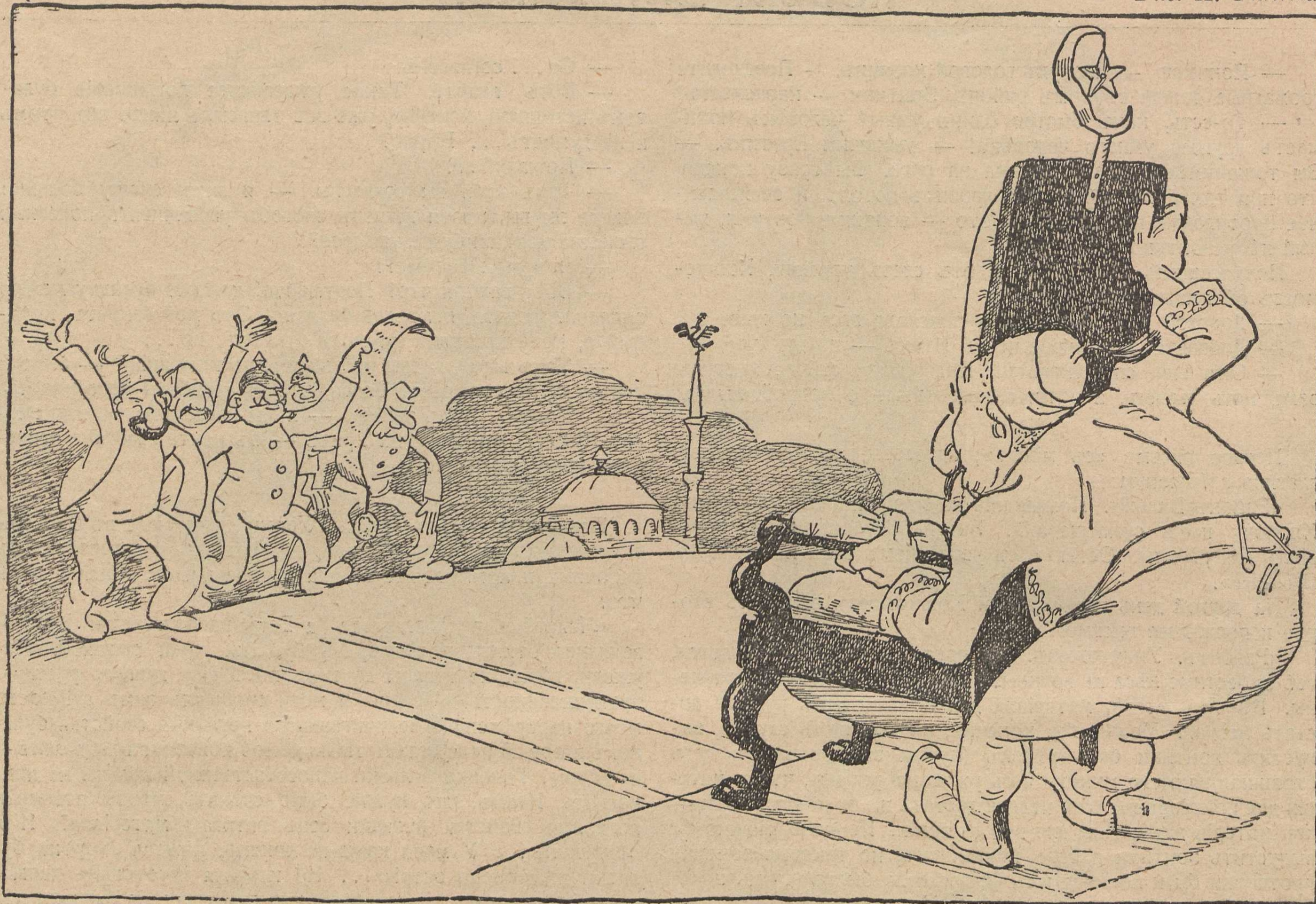
— Ну... Наживешь ты двѣ тысячи.

— Какимъ образомъ?

— Потому что я беру всего три тысячи. А могъ бы пять. Какъ другіе.

— Не хочу, — твердо сказалъ Кошкормоевъ. — Ты смѣешься надо мной.

— Смотри, — пригрозилъ я. — Потомъ будешь плакаться: «лучше бы ужъ, — скажешь ты, — я ему отдалъ зря эти три тысячи, чѣмъ потерялъ на глупѣйшемъ дѣлѣ пять». Да ужъ поздно будетъ.

ГАЗИ (НЕПОБЪДИМЫЙ).

— А гдѣ же султанъ? Вотъ чудакъ: увидѣлъ насъ и за тронъ спрятался!.. Выходи, не бойся — мы тебѣ принесли титуль непобѣдимага!..

— Ну, теперь-то ужъ я поумнѣлъ, братецъ. Теперь меня не поймашь.

Я многозначительно пожалъ плечами и ушелъ.

* * *

Въ тотъ же день къ Кошкормоеву пришелъ мой пріятель Фуфыкинъ съ предложеніемъ крайне заманчиваго дѣла, идея котораго принадлежала мнѣ.

— Попадались ли вамъ въ газетахъ фразы военныхъ корреспондентовъ: «около насъ разорвался чемоданъ», «чемоданы рвались безостановочно», «это былъ рѣдкій экземпляръ неразорвавшагося чемодана»?

— Читаль, — сказалъ Кошкормоевъ.

— Что же это доказываетъ?

— А что же это, дѣйствительно, доказываетъ? — прищурился и Кошкормоевъ.

— Доказываетъ, что теперь дорожныя офицерскія вещи стали выдѣлывать крайне небрежно, и офицеръ не можетъ нигдѣ купить хорошаго, прочнаго чемодана, не рискуя, что онъ разорвется въ первомъ бою. Если бы мы открыли съ вами на паяхъ фабрику прочныхъ, не рвущихся чемодановъ...

* * *

— Хотѣлъ бы я знать, — жаловался мнѣ Кошкормоевъ, — какой это негодяй выдумалъ, что рвущіеся чемоданы это тѣ, въ которые кладутся разныя вещи? Открыли фабрику, нечего сказать. Зря на этомъ дѣлѣ пять тысячъ потерялъ. Лучше бы я тебѣ тогда три тысячи далъ.

— Не безпокойся, — серьезно сказалъ я. — Я ихъ уже получилъ.

— Что ты говоришь?!

— Конечно. Идея о чемоданахъ — моя. Жаль только, что посреднику пришлось отдать двѣ тысячи.

— Зачѣмъ же ты это сдѣлалъ?

— Зачѣмъ? Потому что вы, дураки, странный народъ! На простое, честное предложеніе вы не откликаетесь, а если вамъ поднести то же самое предложеніе подъ невѣроятнымъ гарниромъ лжи, нахальной выдумки и заманчиваго золотого дождя — вы готовы отдать себя со всѣми потрохами!..

Кошкормоевъ задумался.

Потомъ — знаете, что онъ спросилъ!

— Что ты хочешь этимъ сказать?

* * *

Читатели! У Кошкормоева, Ивана Андреича, есть еще пять тысячъ...

Понимаете?

Адресъ его всегда можно узнать въ адресномъ столѣ.

Понимаете?

Арк. Аверченко.

ГОРОШИНЫ.

I.

Лысина есть у каждаго человѣка, — только у нѣкоторыхъ людей она покрыта волосами.

II.

До войны попечительство о народной трезвости было органомъ Министерства финансовъ, которое занималось продажей казеннаго вина.

По поводу такой комбинаціи является мысль: нельзя изготовлять колесную мазь изъ тѣхъ палокъ, которыя вставляются въ колеса.

Ф.

ВОЕННАЯ ЦЕНзуРА.

Я вообще не спекулянтъ — особенно же на такихъ тяжелыхъ событіяхъ, какъ война, но вотъ въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ моя жизнь течетъ по мирному руслу душевнаго равновѣсія и матеріальнаго благосостоянія на почвѣ эксплуатаціи одного изъ правительственныхъ учреждений, возникшаго на почвѣ военныхъ событій...

Это учрежденіе — военная цензура.

Теперь вся моя подпольная редакторская работа открыта, и люди, имѣвшіе со мной дѣло, — все равно, потеряли довѣріе ко мнѣ; поэтому я могу говорить обо всемъ открыто...

* * *

Написавъ четыре большихъ печатныхъ листа, опытный авторъ въ прежнее время обычно умѣло избѣгалъ порнографіи, кощунства и рѣзко выраженныхъ общественныхъ тенденцій. Никакіе подходы къ нецензурности, при возвращеніи рассказовъ, у меня лично не оканчивались успѣхомъ.

— Возьмите вашъ рассказъ... У васъ тутъ явное возбужденіе одной части населенія противъ дру...

— Такъ у меня же весь рассказъ о собакѣ... И собака всего одна. Кусалась, а ее повѣсили, — обиженно возражалъ авторъ.

— Ну, конечно, я и забылъ... Прекрасный рассказъ... Если бы не порнографія...

— Помилуйте, да у меня только деревья голыя выведены, такъ на то осень... Деревья можно выкинуть, или листьями, что ли, тамъ... покрыть...

Послѣ получасового разговора, когда всѣ мои вылазки становились слабѣе и слабѣе, а усилія наступавшаго интенсивнѣе, рассказъ приходилось оставлять. Авторъ шель получать деньги и рассказывать о моей глупости. И въ томъ и въ другомъ фактѣ страдающимъ лицомъ являлся все-таки одинъ я.

* * *

Если я пытался вступать въ пререканіе по поводу литературныхъ недостатковъ рукописи, готовой къ обратному переходу въ авторскую собственность, моя позиція оказывалась невыгодной съ первыхъ же шаговъ.

— Такъ же нельзя, голубчикъ... Возьмите... Вамъ нужно еще долго...

— Пожалуйста, пожалуйста, она можетъ и не ѣсть...

— Кто?

— Да жена... Вы только не вздумайте взять мой рассказъ изъ-за того, что мнѣ нужны эти пятьдесятъ рублей на лѣкарство и доктора... Я не привыкъ унижаться...

— Да нѣтъ, что вы... Мнѣ такъ неприятно возвращать вамъ, но эта фабула...

— Что же, фабулы и хуже бываютъ... Читалъ я рассказъ одинъ недавно... Не помню чей.

Дальше слѣдовало хорошо задуманное описаніе моего рассказа, съ точнымъ указаніемъ мѣстъ, куда нужно было бы его дѣтъ вмѣсто помѣщенія въ журналъ. Я неопредѣленно улыбался и смотрѣлъ по сторонамъ.

— Все-таки я вамъ верну рукопись-то...

— Давайте, давайте... Между прочимъ, недавно у меня съ однимъ общимъ знакомымъ былъ о редакторахъ разговоръ. Онъ такъ и насѣлъ на меня. «Всѣ, говоритъ, они идиоты». Ну, я защищать сталъ: «нѣтъ, говорю, есть и исключенія»... Блестяще разбилъ меня, негодяй... Взять и доказаль.

— Ага... да...

— Ну, давайте рассказикъ-то... Понесу въ другое мѣсто.

Послѣ десяти-пятнадцати такихъ разговоровъ въ день, вечеромъ я начиналъ понимать людей, которые внезапно и безповоротно теряютъ трудоспособность.

* * *

Съ этого момента началась моя грязная, клеветническая дѣятельность.

* * *

— Я вамъ тутъ давалъ бытовой рассказъ... Сказка такая, изъ жизни цвѣтовъ... Фіалка, а около нея подснѣжникъ растетъ...

— Какъ же, помню... Дѣвушка тамъ одна... Кажется, Лизочка...

— Дѣвушекъ нѣтъ...

— Странно... Должно быть, это она изъ другого рассказа попала... Типографская ошибка... Не пропущено.

— Не понравилась?..

— Ну, что вы... Я почти наизусть запомнилъ: фіалка, а около нея подснѣжникъ растетъ... Прекрасный рассказъ. Военная цензура...

— Неужели? Что же тамъ нецензурнаго?..

— Да ужъ сами знаете... Расположеніе войскъ, военныя тайны...

— Да у меня тамъ ни одного солдата...

— Ну, вотъ видите... Военное время, а у васъ ни одного солдата... Вотъ цензура и зачеркнула... Я ужъ тутъ ни при чемъ...

* * *

Въ короткое время эти два слова сдѣлали меня недосягаемымъ для самыхъ развязныхъ и рѣшительныхъ людей.

Людей, которые меня ругали за потерю рукописей, я увѣрялъ, что непропущенныя рукописи сжигаются въ военной цензурѣ, и меня благодарили за то, что я скрылъ имя автора. Приносящихъ толстые романы я обязывалъ доставлять по четыре копии, такъ какъ этого требуетъ цензура военноморская, топографическая и военно-санитарная; они печально улыбались и уходили, убитые тяжелыми требованіями времени.

Если у меня требовали авансъ, я хулилъ военную цензуру, которая не позволяетъ оплачивать рукописи раньше ихъ помѣщенія въ журналъ.

Все это время я былъ окруженъ сочувственными взглядами, теплыми словами утѣшенія и незлобивымъ отношеніемъ къ моей беспомощности.

Я сталъ лучше спать; на лицѣ появился румянецъ, и нервы позволяли спокойно разговаривать даже съ начинающими поэтами...

* * *

Наконецъ, нелѣпый случай положилъ конецъ моему благополучію, и меня раскрыли.

Передъ тѣмъ какъ возвратить одну рукопись, я долго рылся въ столѣ и, наконецъ, нашель ее гдѣ-то на днѣ ящика.

— Вотъ. Я бы съ удовольствіемъ, но, знаете, военная цензура...

— Какъ странно, — холодно произнесъ онъ, — а у меня она въ другомъ журналѣ прошла... И тоже, подите вотъ, военная цензура, а пропустила...

— Какое пристрастіе, — неопредѣленно вздохнулъ я.

— Опять же объ этой самой рукописи вы мнѣ сказали, что ее въ цензурѣ сожгли, а она у васъ... Значить, они васъ просто обманули...

— Да... знаете... такое время...

— И еще — вамъ они сказали, что тамъ неуваженіе къ арміи, а у меня лѣтняя поѣздка по Волгѣ, въ рассказѣ...

Продолженіе разговора я передавать не стану. Мнѣ оно удовольствія не доставило. Теперь мнѣ приходится вымаливать матеріалъ. Поэты отказываютъ мнѣ въ весенней лирикѣ, ссылаясь на то, что военная цензура можетъ найти въ стихахъ названіе полковъ, отправленныхъ на театръ военныхъ дѣйствій, фотографы перестали давать снимки съ балетныхъ корифеекъ, опасаясь строгаго отношенія цензуры...

Яма, выкопанная для другихъ — неудобный кабинетъ для работы...

И все-таки у военной цензуры, если ею пользоваться умѣло, есть много очень хорошихъ сторонъ...

Арк. Буховъ.

ВЪ ДУХОВЪ ДЕНЬ.

Эй, вы, дѣвушки-молодушки,
Полногрудыя лебедушки,
На лугъ къ рѣчкѣ изъ слободушки
Выходите!

Покидайте свѣтлу горенку,
Въ бѣлыхъ ручкахъ скоро-скоренько
Духовъ злакъ — пахучу зореньку
Выносите!

Пѣсни древнія купальныя,
Заповѣдныя русальныя,
Плясовыя да игральныя,
Запѣвайте!

Въ хороводъ свой рѣзвый дѣвичій
Косарей, лихихъ полевицей —
Черноземныхъ королевичей
Закликайте!

Мѣсяць-гребень, златомъ кованный,
Лѣсъ, что теремъ очарованный,
Лугъ, цвѣтами разрисованный, —
Точно сказка.

Красить щеки кровь волнучая.
Сердце радуя и мучая,
Разгорается кипучая
Пѣсня-пляска.

Ой, вы, дѣвушки! ой, цвѣтики!
У судьбы-весны въ кисетикѣ
Понарѣзаны билетки —
Вынимайте!

Кто счастливѣе, кто болѣе
Заскучалъ съ дѣвичьей долею,
За вѣнцомъ, за мужней волею
Ступайте!

Алексѣй Липецкій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Человѣческая живучесть.

„Вечернее Время“ сообщаетъ:

Досуужій статистикъ, получающій время отъ времени нѣмецкія газеты различныхъ лагерей и оттѣнковъ, подсчиталъ нѣкоторыя „фактическія“ данныя, сообщавшіяся этими газетами. Эти данныя какъ нельзя лучше подтверждаютъ достовѣрность свѣдѣній, которыми успокаиваютъ население Германіи германскія власти.

На первомъ мѣстѣ король Бельгійцевъ Альбертъ, котораго такъ страстно ненавидятъ германскіе генералы. Онъ уже 21 разъ убитъ нѣмецкими солдатами въ разныхъ бояхъ, при чемъ въ 7 случаяхъ въ одинъ и тотъ же день въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ. 15 января 1915 г. онъ убитъ взорвавшимся фугасомъ на берегу Изерскаго канала, заколотъ въ атакѣ германскимъ гвардейцемъ Гансомъ Трапомъ въ бою у деревни Мооте, сбитъ огнемъ нѣмецкой артиллеріи вмѣстѣ съ аэропланомъ, производившимъ развѣдку, и потопленъ вмѣстѣ съ паромомъ на Изерѣ.

За королемъ Альбертомъ слѣдуетъ англійскій король Георгъ. Король, по сообщенію нѣмецкихъ газетъ, убитъ три раза: разъ — Индусами, второй разъ — взрывомъ бомбы, брошенной съ германскаго цеппелина, и въ третій — ожесточеннымъ артиллерійскимъ обстрѣломъ во время посѣщенія дѣйствующей арміи.

Принцъ Уэльскій во время боя у Невъ-Шапелль былъ убиваемъ каждый день въ теченіе одиннадцатидневнаго сраженія въ этомъ районѣ.

Генераль Жофрръ одинъ разъ умеръ отъ тифа, два раза отъ взорвавшейся шрапнели, одинъ разъ на фугасѣ и пять разъ отъ покушенія анархистовъ.

Генераль По, какъ испытанный боевой генераль, былъ убитъ въ бояхъ въ Шампань, на рѣкѣ Энъ, на Марнѣ и подъ Парижемъ.

Уже по этимъ даннымъ ясно видно, какъ трудно воевать нѣмцамъ съ союзниками: убьешь человѣка разъ — воскресаетъ, убьешь второй разъ — воскресаетъ, убиваешь его до безчувствія — а онъ все-таки воскресаетъ.

И это случается съ людьми, которыхъ убиваютъ десятки разъ... Что же можно ожидать отъ такихъ союзныхъ солдатъ, которые убиты въ официальныхъ сообщеніяхъ только одинъ разъ?!

Пріемъ „на осла“.

Въ прошломъ номерѣ мы уже сообщали, какъ англичане ловятъ турокъ „на ослѣ“. Оказывается, что ослы уже введены холодными методичными англичанами въ систему:

„Evening News“ сообщаетъ, что союзный десантный отрядъ на Галлипольскомъ полуостровѣ при атакѣ турецкихъ позицій къ сѣверу отъ Каба-Тепе и Арнбурна путемъ военной уловки взялъ въ плѣнъ 670 турокъ, въ томъ числѣ двухъ германскихъ офицеровъ. Англичане выпустили ночью сто ослѣвъ съ фонариками. Турки, подумавъ, что союзники нападаютъ на нихъ, бросились въ атаку и безъ боя попали въ засаду.

Не оправдывается ли на этихъ туркахъ, постоянно бросающихся на ослѣвъ, русская пословица: „Рыбакъ рыбака видитъ издалека“.

Своя своихъ не познаша.

„Петроградск. Газета“ сообщаетъ:

Варшава, 21-го апрѣля. Здѣсь получено извѣстіе, что на наслѣдника коронъ Австріи и Венгріи, на жизнь эрцгерцога Карла-Франца-Юсифа произведено покушеніе на Карпатскомъ фронтѣ.

Во время объѣзда войскъ германскій офицеръ бросилъ въ эрцгерцога бомбу.

Престолонаслѣдникъ тяжело раненъ въ правую ногу.

Въ предыдущемъ убійствѣ австрійскаго престолонаслѣдника былъ, по крайней мѣрѣ, замѣшанъ Принципъ. Нынче дѣло обходится уже безо всякаго принципа.

Можно ли говорить Пушкину на вы?

По словамъ „Петрогр. Газеты“ этимъ вопросомъ смущены сейчасъ петроградскіе литераторы:

Въ нѣдрахъ одной изъ безчисленныхъ литературныхъ комиссій разыгрался такой анекдотъ, что сразу не повѣришь.

Составлялся сборникъ въ помощь жертвамъ войны. Въ числѣ прочихъ обратились съ просьбой прислать что-нибудь къ одному изъ литераторовъ. Литераторъ прислалъ стихотвореніе, посвященное Пушкину, въ которомъ обращался къ Пушкину на вы.

Комиссія стала думать.

— Можно ли къ Пушкину на вы обращаться? Зазорно какъ-то!

Думали два мѣсяца и возвратили стихотвореніе автору.

Нельзя, молъ, съ Пушкинымъ на вы быть!

И вѣрно. Разъ даже Хлестаковъ былъ съ Пушкинымъ на ты („Ну, что, братъ, Пушкинъ?“), то чего же, въ самомъ дѣлѣ, литераторамъ стѣсняться.

Стихи нужно писать такъ:

Гой, ты, Саша,
Гордость наша... и т. д.

Мѣщане.

Одна екатеринодарская газета сообщаетъ вотъ этакое:

Воинскій столяръ гор. управы затребовалъ отъ причта Николаевской церкви метрическія выписи о рожденіи мѣщанъ съ 1 января по 31 декабря 1915 г. Причтъ на это требованіе возразилъ, что онъ „не можетъ прислать такихъ выписей, потому что за указанное время еще не всѣ мѣщане появились на свѣтъ Божій и метрики для нихъ не написаны“.

Что это значитъ: „еще не всѣ мѣщане появились на свѣтъ“? Нужно ли это понимать, что причтъ заказалъ къ определенному сроку извѣстное количество мѣщанъ и заказъ этотъ былъ исполненъ довольно небрежно?..

ПЕТРАРКА ВЪ „ЕТРИЧЪ“.

Сонетъ.

Она небесна, словно Беатриче,
Моя богиня, солнце и... вампиръ.
Ее пою въ моемъ экстазномъ спичѣ,
Ее, земли украсившую пиръ.
Томна, нѣжна, какъ сказка-Беатриче,
Загадочна, какъ древнихъ мидянъ мѣръ, —
Она жуетъ медлительно сандвичи
И улыбается весенне, какъ сатиръ.

Она легка, какъ фея-Беатриче,
И мысль ея мелькаетъ какъ зефиръ:
— Какой курьезъ: кафэ зовутъ «Ампиръ»,
А вотъ на ложечкѣ написано «Етриче»!

Даю совѣтъ влюбленному Петраркѣ:
— Пиши сонетъ не феямъ, а кухаркѣ.

Евгеній В—ій.

ГОЛУБЬ.

Изъ окна моей мансарды виденъ только черный жолобъ
И замѣтенъ тяжкій выступъ навалившейся стѣны,
Да еще съ вечернимъ солнцемъ прилетаетъ сизый голубь
Обсуждать на остромъ камнѣ догорающіе сны.
И тогда мнѣ безпросвѣтнѣй представляется картина
Одинокихъ, позабытыхъ и заброшенныхъ мансардъ,
И мнѣ кажется, что жолобъ, черный жолобъ,
Это — ужасъ, охватившій острый камень навалившейся
стѣны,
А вечерній сизый голубь это — тотъ холодный пламень,
На которомъ догораютъ наши собственные сны...

Владимиръ Винкертъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

„Жизнь и Судъ“ помѣщаетъ портретъ унтеръ-офицера Панасюка,
жертвы нѣмецкихъ звѣрствъ.

Это бы еще ничего, но рядомъ журналъ печатаетъ „портретъ“
крестьянской „халупы“ въ деревушкѣ, гдѣ мучили Панасюка.

Спрашивается: откуда журналъ досталъ такую рѣдкую фотографію?
Самъ ли Панасюкъ удосужился снять ее, поспѣшно убѣгая изъ
нѣмецкаго плѣна, или германскій генеральный штабъ прислалъ снимокъ
проворной редакціи „Жизни и Суда“?

Помнится, впрочемъ, что портретъ этой же халупы однажды уже
фигурировалъ въ журналахъ за подписью: „домикъ, въ которомъ
живетъ Радко“ Дмитриевъ“.

Передъ нами лежатъ двѣ рецензіи о концертѣ М. А. Макаровой...
Въ одной рецензіи („Обозр. Театровъ“) сказано о скрипачѣ
Завѣтновскомъ буквально слѣдующее.

„Отмѣтилъ отлично и съ большимъ настроеніемъ игравшаго
скрипача г. Завѣтновскаго“.

Въ другой рецензіи („Вечернее Время“) сказано о скрипачѣ
Завѣтновскомъ буквально слѣдующее:

„Г. Завѣтновскій довольно вяло сыгралъ solo на скрипкѣ“.

Какъ это объяснить? Очевидно, первый рецензентъ передъ самымъ
концертомъ 75 тысячъ въ лотерею выигралъ, а у второго рецензента
уже нѣсколько дней какъ не варитъ желудокъ.

Было такое время на Руси, когда „поэтъ“ Бенедиктовъ считался чуть
ли не выше Пушкина. Его „геніальные“ образы, въ родѣ распушен-
ныхъ дѣвичьихъ кудрей, способныхъ затопить земной шаръ, приводили
читающую публику въ трепетъ и казались ей предѣломъ грандіозности.

Вотъ когда слѣдовало бы родиться Н. Ястребову изъ „Голоса
Жизни“ съ его постройкой тонкаго віадукъ надъ стремниной иску-
шеній (!):

„Строю тонкій віадукъ надъ стремниной искушенья:
Я люблю желѣза стукъ и стихій порабощенье!“

Острый циркуль воплотилъ гордыхъ мыслей паутину:
Врѣжьтесь, врѣжьтесь, зубья пилы, глубже въ каменную спину!“
— Построй, говорить, мнѣ тонкій віадукъ надъ стремниной иску-
шенія! Перекинь плоскіе мостки черезъ бездну разности нашихъ
взглядовъ! Вонзи зубья пилы геніальности въ каменную спину чита-
тельскаго равнодушія!

Хлопотливая инженерная работа.

И еще поэтъ: Александръ Толмачевъ. Изъ „Голоса Жизни“.
„Я въ скверѣ буковомъ и кленномъ“, — рассказываетъ
поэтъ: — „Люблю, какъ можетъ быть никто“. Точка!.. Кого онъ
любитъ? Что онъ любить? — Неизвѣстно. Впрочемъ, это и не важно.

Важно вотъ что:

...за листьями вѣчно-вѣчно
Воздушно-матовымъ платкомъ
Мнѣ кто-то машетъ безконечно
О чемъ-то нѣжномъ и глухомъ.“

Махать о чемъ-то нѣжномъ и глухомъ (?)...
Просто нѣкто отмахивается отъ автора.

Лавры Толмачева, изъ „Голоса Жизни“, не даютъ спать В. Хо-
лодковскому, изъ „Богемы“.

У этого молодого человѣка:

„Изъ пещеръ воспаленной души,
Изъ-подъ пепла обѣтовъ солгавшихъ
Выползаетъ величіе лжи
И спокойствіе павшихъ“ (?)!

— „Не все, что выползаетъ изъ пещеръ твоей воспаленной души,
достойно читательскаго вниманія“, — какъ сказала Козьма Прутковъ.
А если не сказалъ — плохо сдѣлалъ.

Попалось въ руки редактору „Суда и Жизни“ старое клише:
дохлая лошадь. Думалъ, думалъ дѣляга, какъ бы ее приспособить къ
своимъ надобностямъ — „военная иллюстрація“ — и придумалъ. При-
звалъ поэтессу Н. Богдановскую и приказалъ:

— Дѣлай подпись!

И сдѣлала Н. Богдановская:

„На вспаханной только что рыхлой землѣ
Пала кормилица, пала помощница,
Пала, сраженная пулей врага“

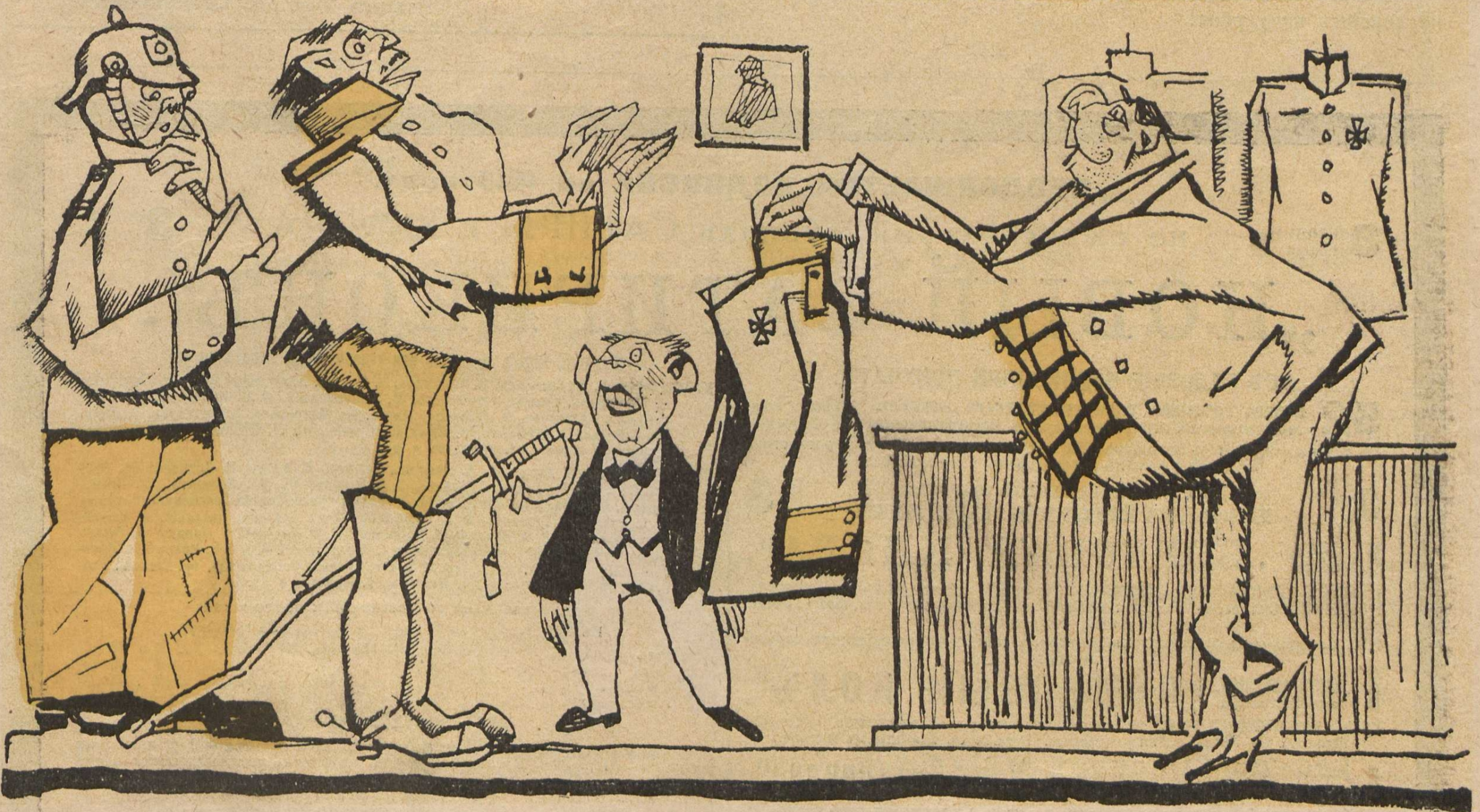
(Лошадиный врагъ это — нѣмцы.)

Грохотъ орудій все ближе доносится.
Вотъ оно... Ужасъ... Война...
Поле широкое, поле забытое,
Солнце усталое, лошадь убитая,
Плугъ, среди поля заброшенный плугъ,
Картина печальная жизни и мукъ.“

Печальная-то, печальная, только не „жизни и мукъ“, а... „Жизни
и Суда“!

Истребитель младенцевъ Иродъ Теткинъ.

Рис. А. Радакова.

Въ послѣднее время германскій солдатъ, не по-
лучившій Желѣзнаго Креста, является рѣдкостью.
(Изъ шведск. печати.)

ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ МАГАЗИНѢ ОФИЦЕРСКАГО ПЛАТЬЯ.

— Позвольте! Почему у васъ на всякомъ мундирѣ Желѣзный Крестъ?

— Да это теперь ужъ форма такая! Все равно, всѣ получаютъ. Такъ мы ужъ заранѣе.

Рис. Мисс.

ВМѢСТО ПЛАТЬЯ.

— Можно войти?

— Съ ума вы сошли?! Конечно, нельзя! Я еще не совсѣмъ напудрена!

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почте, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакция не принимает на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Красной Сатань. — Обладатель этого звучнаго псевдонима пишетъ, поистинѣ, удивительныя вещи:

„По шумной городской улицѣ шла дѣвушка. По ней съ утра сновали пѣшеходы, мчались автомобили“...

Безтолковые пѣшеходы и автомобили вмѣсто того, чтобы снова по безвинной дѣвушкѣ, лучше бы попробовали познакомиться по автору разсказа. Это отвлекло бы его отъ сочинительства.

Николаевск., 16. — Д. М. Д. — Человѣкъ съ веселымъ характеромъ въ любомъ пустякѣ найдетъ матеріалъ для веселья и радости:

„Вотъ скачетъ коночная кляча“
 Вся (?) спотыкаясь, словно гусь. (?)
 „Въ судьбѣ ей вышла незадача“,
 Шепчу и тихо я смѣюсь.

Вы смѣетесь надъ влячей, кляча, если мы прочтемъ ей эти стихи, будетъ смѣяться надъ вами. Что хорошаго?

Кіевъ. — Трису безконечному. — „Я подошелъ къ Ольгѣ Александровнѣ и собственноручно (?) поцѣловалъ ее въ щеку“.

Отъ такихъ поцѣлуевъ на щекѣ пальцы остаются.

Кромѣ того, нельзя сказать: „шевелилъ руки“, „ходить избоченясь“, „лошадь подкатилась къ крыльцу“.

Вторая рукопись тоже не подошла.

Купянскъ. — Семену Н-дову. — Такъ какъ авторъ проситъ „помѣстить его хоть гдѣ-нибудь“, — исполняемъ его просьбу:

„— Мой сынишка похожъ лицомъ на Наполеона Бонапарта.

— Неужели ваша жена такая старая?“

Ахъ, вы, проказникъ... Вѣчно что-нибудь этакое сострите.

Ялта. — Обоему. — „Посылаю стихи. Могу, конечно, писать и лучше“.

Это что! А вы ухитритесь хуже написать...

В. Провинція.

Александровскъ. — Кречету.

Шумить волна у ногъ моихъ,
 А я надъ ней стою печальный,
 Не здѣшній весь, весь чужедальный,
 И думаю: „о чемъ шумишь?“
 Зачѣмъ слисалась ты въ вѣчномъ гимнѣ,
 Зачѣмъ ты лижешь сапоги мнѣ?“

Унижается волна передъ вами, сапоги лижеть... И все изъ-за чего, спрашивается? Все изъ-за того, чтобы вы больше не писали. Сдѣлайте удовольствіе бѣднягѣ, прекратите.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
 Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ

3-й годъ
изданія

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ
изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 НОМЕРА РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА. Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ. Нѣкоторые номера въ 8—9 красокъ. Въ теченіе года будетъ дано около 800 рисунковъ и карикатуръ; проза, стихи лучшихъ русскихъ литераторовъ и юмористовъ.

3 ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ: **3**
БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМИИ:

1 ТОМЪ „БОРДОВАЯ КНИГА“.

О ВОЙНѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ. (Причины войны. Кѣмъ она вызвана. Поведеніе Вильгельма. Подвиги нѣмцевъ. Австрійцы, какъ таковые. Теченіе войны — и проч.)

НВ. Сатириконцы отнесутся къ „Бордовой книгѣ“ съ подобающей серьезностью.

1 КНИГА-АЛЬБОМЪ „ОСИНОВЫЙ КОЛЪ“.

НА МОГИЛУ ЗЕЛЕНАГО ЗМІЯ. Роскошно иллюстрированное изданіе. (Исторія пьянства въ Россіи. Типы пьяницъ. Борьба съ пьянствомъ и проч.)

1 КНИГА „ПИСЬМОВНИКЪ Нов. Сатирикона“.

Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ, а также танцевальныхъ разговоровъ. Изученіе этой книги явится лучшимъ способомъ для подписчика „Нов. Сатирикона“ приобрести въ обществѣ такой вѣсь и значеніе, которые вызовутъ въ окружающихъ восхищеніе и изумленіе, съ примѣсью легкой тревоги.

Журналъ будетъ выходить при участіи слѣд. сотрудниковъ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Аняфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добужинскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кустодіевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Ave), В. Азовъ, К. Антиповъ (А. Зарницынъ), Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, В. В. Войновъ, Евг. Вѣнскій, Сергѣй Горный, Сергѣй Городецкій (Сатиръ), А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянский, Осипъ Дымовъ, Дальскій, А. Измайловъ, Красный, А. И. Купринъ, А. П. Каменскій, В. Князевъ, Г. Ландау, К. Милль (Полярный), С. Михѣевъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Ор, Иванъ Куз. Прутковъ, П. Потемкинъ, А. Радаковъ, А. Рославлевъ, Б. Садовскій, гр. Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, Дм. Цензоръ, Г. Чулковъ и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи:		За границу:	
На годъ	6 р. 50 к.	На годъ	9 р. 75 к.
„ 1/2 г.	3 „ 25 „	„ 1/2 г.	4 „ 90 „
„ 3 мѣс.	1 „ 75 „	„ 3 мѣс.	2 „ 45 „
„ 1 мѣс.	— „ 60 „	„ 1 мѣс.	— „ 90 „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ 6 РУБ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 руб., къ 1-му іюня — 2 р. и къ 1-му сентябрю — 1 р. 50 к. Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особая льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣс. каждое 1-е число по 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 15 коп.

Адресъ ред. и конт.: Петроградъ, Невскій, 88, Тел. 59-07.

Редакторъ: Арк. Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ЖИВОПИСЬ—ЛѢПКА—МЕТАЛЛОПЛАСТИКА—ИЗЯЩНЫЯ РЕМЕСЛА

Живопись акварелью — 40 к. Живопись маслян. краск. — 80 к. Живопись по фарфору — 50 к. Живопись брызгами — 20 к. Лѣпить какъ выучиться — 50 к. Инкрустація и мозаика 30 к. Интарсія — 30 к. Художественное выжиганіе — 60 к. Плетеніе кружевъ — 35 к. Металлопластика — 50 к. Работы изъ перьевъ — 20 к. Тисненіе и живопись по кожѣ — 30 к. Изгот. искусств. цвѣтовъ — 50 к. Не есылка 1 кн. — 18 к., 2 кн. — 22 к., 3 кн. — 26 к., 4 кн. — 30 к., 5 кн. — 34 к., нал. плат. на 10 к. дороже. При заказѣ на 3 р. пересылка бесплатно. Писл. ка ал. высыл. ется даромъ.

Выслать Технической книжный складъ М. ПЕТРОВА.
Петроградъ, Б. Подъячская ул., 19. ☆ Москва, Волхонка, 1 уч. Знаменки.

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

комплекты
журнала „САТИРИКОНЪ“
за 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 годы.

Предложеніе адресовать:
ПЕТРОГРАДЪ, Итальянская ул., д. № 5.
А. РАДАКОВУ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ЕВГЕНИИ ВЪНСКІЙ.

„О нѣмцахъ, извините за выраженіе“.

САТИРА и ЮМОРЪ. ✕ Цѣна 50 коп.

Роскошное изданіе Н. А. Сенкевича, дальняго родственника знаменитаго польскаго романиста Генр. Сенкевича, автора „Quo Vadis“, „Поптопъ“, „Семья Поланецкихъ“ и пр.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

АРКАДІЙ БУХОВЪ.

„ТИХІЯ НЕПРІЯТНОСТИ“.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ. ✕ Цѣна 1 р. 25 к.

Изданіе М. В. ПОПОВА, Петроградъ, Невскій проспектъ, д. № 66.
Можно выписывать изъ конторы „Нов. Сатирикона“, Невскій, 88.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О хорошихъ въ сущности людяхъ“.

7-ое изданіе. = Цѣна 1 р. 25 к.

„КРУГИ ПО ВОДѢ“.

16-ое изданіе. = Цѣна 1 р. 25 к.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

Цѣна 50 коп.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ 6-ое ИЗДАНІЕ КНИГИ:

„ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ“.

(Съ кѣмъ мы воюемъ)

Текстъ Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора,
Тэффи.

Изданіе богато иллюстрировано.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ
РАЗСКАЗЫ“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ТЭФФИ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

6-ое изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫДУТЬ ВЪ СВѢТЪ
КНИГИ:

„НИЧЕГО ПОДОБНАГО“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„И СТАЛО ТАКЪ“.

6-е изданіе = Ц. 1 р. 25 к.

„КАРУСЕЛЬ“.

3-е изданіе; * Цѣна 1 р. 25 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ

Спеціальный выпускъ Дешевой бібліотеки:

ТЭФФИ.

„ЗАРЕВО БИТВЫ“.

Цѣна 10 коп.

МОДНЫЕ ТАНЦЫ.
(КТО ЧТО ПЛЯШЕТЪ.)

Рис. А. Радакова.

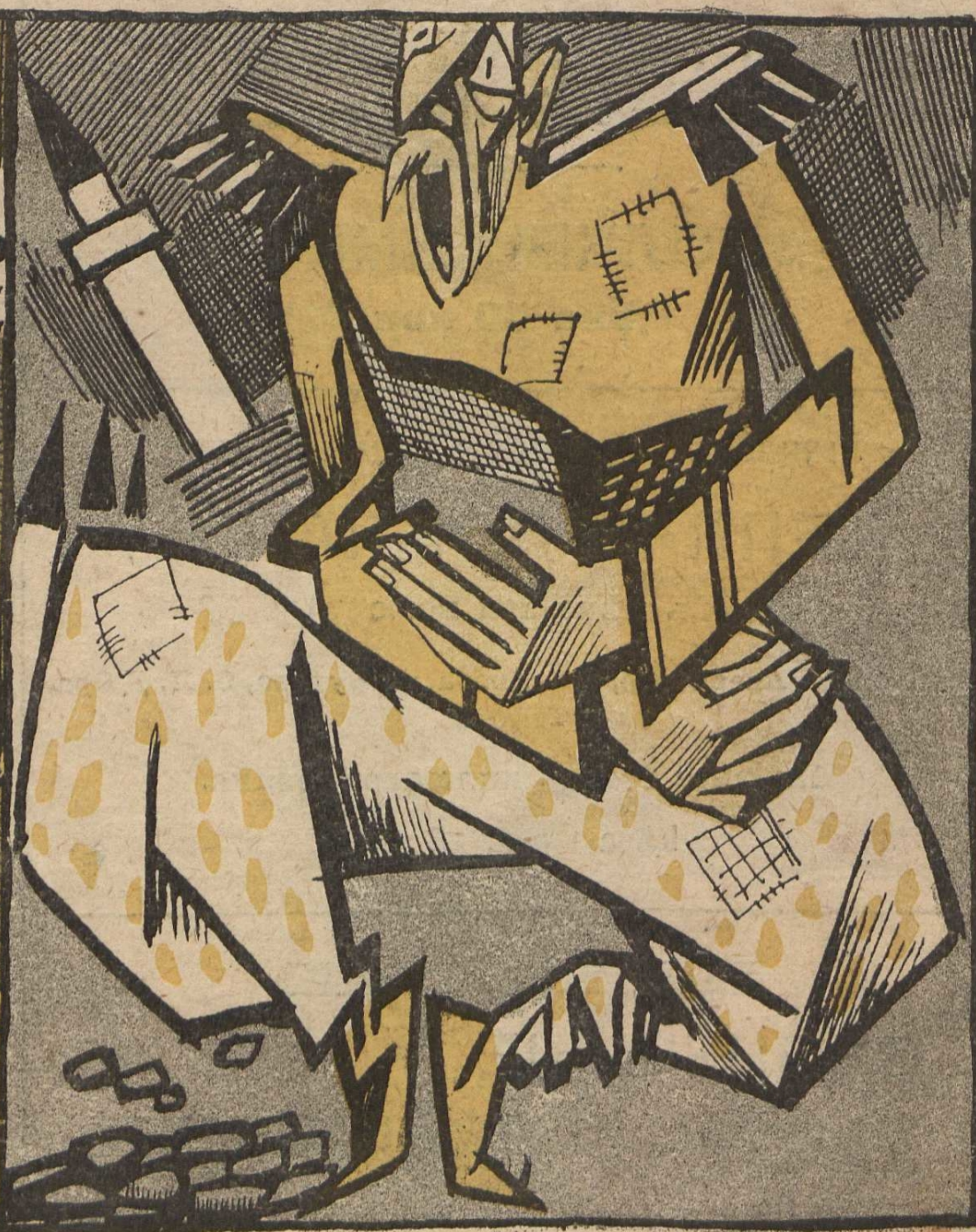
„ВЪНСКІЙ“ ВАЛЬСЪ.
(Танцуется медленно, но вѣрно.)

КАЗАЧЕКЪ.
(Самый лихой танецъ.)

ПОЛЬКА-МАЗУРКА.
(Исполняется нѣмцами въ Мазурскихъ болотахъ.)

ТАНЕЦЪ ЖИВОТА.
(Константинопольскій. Танцуется, когда ѣсть нечего.)